

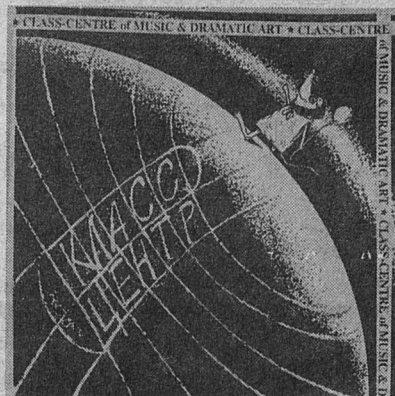
все время: это стоит столько, это столько, надо доставать, покупать, находить деньги. Поехали куда-то, дали спектакль — заработали. Маленькие деньги, но вот куда они легли. В прошлом году мы ездили в Соединенные Штаты. Поездка замечательная, но деньги потренировались по тем масштабам колоссальные — почти полтора миллиона! И нужно было их отработать. В течение месяца сыграли 12 спектаклей — это очень большая нагрузка — в четырех разных городах трех разных штатов. Но все затраты, что называется, оспарили. Мы стараемся, чтобы ребята понимали: вам платят потому, что вы научились что-то делать. Это единственный способ заработать — уметь делать.

— А программные установки, они, видимо, требовали и специальных занятий?

— Тут помог его величество Случай. Мы по-родственному объединились с детской школой менеджеров при центре «Советско-американская культурная инициатива». Дети из школы менеджеров стали заниматься с нашими педагогами актерским мастерством, движением, а наши — азами менеджмента, маркетинга... И в обоих случаях поразительные резуль-

первый выпуск и я понял, что мы расстаемся, сейчас они уходят, насосем — это было так мучительно, физически больно, будто и вправду отрывался кусок моего сердца. Под утро, в комнате за сценой, где мы всегда собирались, я просто плакал. Но каждый год переживать так?

Но вернусь к вашему вопросу. Наши дети знакомятся с бизнесом не только в теории. У нас в «Класс-центре» была создана первая детская биржа труда, начал этим заниматься пятнадцатилетний парень. Могу сказать, что это мой сын, но это никакой роли не сыграло — инициатива целиком принадлежала ему, я вообще был в отъезде, приезжаю и вижу: каждый день с 4-х часов сидит полная комната детей, компьютер, в нем данные о самых разных предложениях, и наши ребята ведут переговоры с работодателями, подбирают варианты. Доходов, правда, это не приносило, просто интересно было попробовать. А какая-то другая идея может принести и заработок, почему нет? Собственно, и школа, чтобы стать такой, как задумано, должна будет себя кормить. Не сдачей помещения в аренду, разумеется, а нормальным трудом. Напри-

таты. Так ведь настоящий бизнесмен и должен быть неплохим актером! Уметь слушать, уметь слышать, общаться, убеждать, заражать... Приведу из жизни пример: когда мы стоим в длинной очереди, и кто-то, не хам, не алкаш, прорывается в обход, заявляя, что у него самолет сейчас улетает или дома пожар; — что говорит очередь? «Ну, артист!» Для тех мухлевщиков, которыми сейчас полна сфера предпринимательства — ничего не поделаешь, такой период, — это, может быть, и неважно, но настоящий успех в бизнесе без артистизма невозможен.

А в школе, которую мы строим — между прочим, первая очередь комплекса скоро будет закончена, — там будет так. До 6-го класса — единая программа, базирующаяся на общегуманитарных циклах. Музыка, театр, культурологические дисциплины, история, разумеется, литература. К этому моменту все смогут закончить музыкальную школу. А дальше — расщепление на две параллели. Почувствуют, вырастая, что для театра данных больших нет, это все-таки от Бога, — смогут учиться в бизнес-классе, а игрой в спектаклях, в оркестре заниматься как чем-то второплановым.

— Я снова хочу вспомнить о наших былых установках и, в частности, об опасениях, что ранняя профессионализация — в смысле возможности распоряжаться талантом как своего рода товаром — может очень сильно повредить детям. Что это — заблуждение, проявление наивного идеализма или в самом деле есть здесь риск, и только суровая действительность заставляет на него соглашаться?

— Риск есть, но это только накладывает особую ответственность на взрослых, которые стоят рядом с детьми. Сейчас вокруг этого дела скопились неприличные люди, которые развивают особый, детский шоу-бизнес. Вот что становится проблемой. Я понимаю, что им нужно зарабатывать деньги, что порой они и в самом деле придумывают замечательные вещи, помогают детям показать себя, но... Почему мы часто играем спектакли хуже, чем могли бы? А потому, что любое детское дело не может быть целиком профессиональным. Только наполовину. Ну, может быть, на три четверти. А на четверть оно обязательно остается педагогическим. Мальчик играет неважно. Но я не могу заменить его сегодня, потому что существует система договоренностей, и я не могу просто так его выгнать только из-за того, что кто-то играет лучше...

— Это даже не педагогическая, а скорее, родительская позиция. Логика отца, который вынужден выбирать между своими детьми, но при этом знает, что будет страдать вместе с обиженным.

— Может быть. Я даже больше скажу, если вы позволите мне чуть отвлечься: я стал бояться профессиональных педагогов. Они могут быть преданы своему делу, а к ученику, вот просто к ребенку, ничего не испытывают, не могут его любить, ласкать, говорить по-человечески с его родителями. Сколько раз видел — педсовет обсуждает, как сделать детям лучше, и вдруг заглядывает в дверь этот самый ребенок, о котором так пекутся, — и какой взрыв раздражения, сколько злобы в глазах и в голосе! Во Франции педагог, отработав 7 лет, не просто может, а обязан уйти отдыхать на год при полном содержании, а после 14 лет теряет право избираться в общественные организации. И в Штатах — я своими глазами видел — практикуются такие длительные отпуска. Считается, что какой-то человеческий ресурс со временем истощается. Я и себя ловлю... Когда был

мер, мы давно ведем обмен детскими группами. Мы куда-то едем — и к нам приезжают, и вечно мы ломаем голову, где поселить? Отсюда мысль — принимать их в школе. Я сейчас всюду езжу, у меня масса контактов с людьми, которые этим занимаются. Сейчас, летом, американцы присылают два детских театра. Они будут играть, а мы можем им дать свою образовательную часть — история, история культуры, язык. Реальные знания. Иначе что толку возить их по Москве, «посмотрите направо, посмотрите налево», — что они увидят, не зная ничего?

Ужасно, если главное дело, занятие искусством, ощущается как бизнес. От всего, что может это вызвать, уходим напроочь. Дети никогда не получают на руки денег за сыгранные спектакли. Да, я думаю, если возникнет такой меркантильный интерес, дети оставят это занятие. В театре их привлекает совершенно другое — удовольствие от процесса, от дела.

Время научило нас мягкоходить такие опасности, как и другие искушения, неизбежные в искусстве, вроде всплеск «звездной болезни».

— А разделяете ли вы распространное мнение, что дети вообще становятся меркантильнее, что им чужды бескорыстные порывы?

— У меня был замечательный мальчик, собственно, и сейчас он есть, просто не играет, заканчивает школу. Его пригласили сниматься в кино. При первой же встрече он шокировал режиссера: спросил, сколько получит. Ему ответили: ну, тысячи три с половиной или четыре (тогда это было порядочно). «Так три с половиной или четыре?» Режиссер говорил потом, что не знал, как реагировать — не всякий актер задает такие вопросы! И в Америке этот мальчик все время что-то покупал, продавал... При этом прекрасный актер и пианист, по-человечески очень талантлив, необычайно чуток и тактичен, он и в фильме этом сыграл хорошо, только фильм не получился. А отгадка очень простая. У него есть мама, она вышла замуж, родился ребенок, проблема с жильем, — мальчик знает, что маме никогда не купить квартиру, и пытается взять это на себя. И что же, это как-то сыграло против него? Да ни в чем!

Мои ученики, чему я рад не сказано, работают волонтерами в детской больнице. Вдруг совершенно случайно узнаю, что одна девочка привезла больного ребенка из Владимира, из детского дома — там его не могут прооперировать, а здесь берутся. Заплатить нужно 15 тысяч, и девочка радуется: «У меня есть, я как раз столько заработала!»

Ну, а третий случай произошел, можно сказать, на ваших глазах, вы же были на предпоследнем спектакле в тизе? Пора поднимать занавес, а пианиста нет, что-то произошло у него. Кинулись всех обзванивать, нашли одного из наших выпускников, он все дела бросил, прилетел выручать. Поступил так человек расчетливый?

Все очень просто. Если в детстве заложено не брать, а давать, и сделать подарок кажется приятнее, чем получить, если это сидит внутри, тогда ничего не страшно. А думать постоянно о деньгах дети просто вынуждены, что уж ханжить...

— Вы не ревнивый руководитель: в кино отпускаете сниматься своих учеников, на телеэкране я постоянно кого-то вижу... А вы не думаете, что они попадают в закусочную жизни, в которой нет ни процента педагогики, и вся ваша ювелирная работа может пойти прахом?

— Ну что ж, пусть видят, пусть знают. Это способствует выработке иммунитета.

Казарновский Сергей

Строить — не ломать

Как уже было упомянуто, мысли главного режиссера «Класс-центра» СЕРГЕЯ КАЗАРНОВСКОГО сейчас целиком сосредоточены на строительстве. До сих пор этот необыкновенно интересный, может быть, единственный в своем роде детский коллектив жил как бы в приделах, приспособившись кое-как к чужому, стандартному по планировке помещению. Теперь специально для него, с учетом всех художественных и педагогических идей, возводится целый комплекс зданий. Понятно, почему эта тема постоянно всплывала в разговоре, не всегда даже кстати. То, словно бы впервые осознав это, Казарновский ужасался, какое это безумие — затевать сейчас такое фантастическое предприятие. То, напротив, с восхищением заявлял, что строить сейчас — одно удовольствие, никаких загвоздок, никакой первотрепки, были бы только деньги. Или вспоминал свой ответ женщине, предлагающей проходим очистить себя покупкой книг духовного содержания: «Для меня каждый камень, вложенный в школьные стены, — это очищение души». И все же это были не только отступления от основного сюжета, который мы обозначили как «Бизнес и дети». Связь просматривалась прямая: как строить, будучи чуждым бизнесу, и в то же время как и заниматься, если имеешь дело с детьми?

Позиция Казарновского:

— Если рассуждать, как раньше: детская душа — это святое, а деньги — грязь, как можно ставить их рядом, то надо просто отказаться от всего. «Класс-центр» не готовит для карьеры, хотя многие ребята поступают. Наша цель — дать хорошее образование. Но это очень дорогостоящая вещь! Кто же даст на это деньги? Государство? Родители? Спонсоры? Я не хочу сказать, что нам никто не помогает, но это по сути меценаты, а не спонсоры. Мы же не футбольная команда, которая по всему свету будет играть в их майках. Кому нужен маленький детский театр? Материально это ничего не дает (одни разговоры о том, что филантропия должна поощряться), а морально если и можно, как-то укрепиться, то только на поддержке сырых и убогих, вклада

дывать же в нормальных детей престижным не считается... Короче, тот, кто хочет жить, должен уметь зарабатывать.

Это одна сторона, но есть и другая. Если мы беремся воспитывать, то должны позаботиться, чтобы ученики без наших кошмарных затруднений могли вписаться в предстоящую им жизнь.

Об этой проблеме — дети и бизнес — мы думали давно, еще когда начали осмысливать идею «Класс-центра» как чего-то большего, нежели просто театр. Я ведь тоже не в огороде вырос. Люди, которые меня окружали, первыми в этой стране начали говорить о нормальных экономических отношениях. Одни из них за это поплались... В первой же нашей программе было записано: знакомство с основами товарно-денежных отношений. Впрочем, мы и жили всегда в этой стихии. Делаем спектакль —